

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Правда и Кривда

Вот, знашь, было какое дело, скажу твоему здоровью. Вот, не во гнев твоей милости, к речи сказать, как мы теперича, с тобой, раскалякались промеж себя двое нашей братьи мужичков, беднеющие-пребеднеющие. Один-от жил кое-как, колотился всеми неправдами, горазд был, знашь, на обманы, и приворнуть его было дело, а другой-от, слышь, шёл по правде, кабы трудами век прожить. Вот этим делом-то они и заспорили. Один-от говорит: лучше жить кривдой; а другой-от говорит: кривдой век прожить не сможешь, лучше жить как ни есть, да правдой. Вот спорили они, спорили, никто, знашь, не переспорил.

Вот и пошли они, братец мой, на дорогу. Пошли на дорогу и решили спросить до трёх раз, кто им навстречу попадёт и что на это скажет. Вот они шли-шли, братец мой, и увидали – барский мужичок пашет. Вот, знашь, и подошли к нему. Подошли и говорят:

– Бог на́помочь тебе, знакомый. Разреши ты наш спор: как лучше жить на белом свете – правдой или кривдой?

– Нет, слышь, братцы! Правдой век прожить не сможешь, кривдой

жить вольготней. Вот и наше дело: бесперечь^[1], слышь, у нас господа отнимают дни, работа́ть на себя некогда; из-за неволи прикинешься, будто что попритчилось – хворь, знашь, нашла; а сам меж этим временем-то в лесишко съездишь по дровицы, не днём, так ночью, коли есть запрет.

– Ну, слышь, моя правда, – говорит криводушный-от правдивому-то.

□Вот пошли опять по дороге – что скажет им другой. Шли-шли и видают: едет на паре в повозке с кибиткой купец. Вот подошли они к нему. Подошли и спрашивают:

– Остановись-ка, слышь, на часик, не во гнев твоей милости, о чём мы тебя спросим. Реши, слышь, наш спор: как лучше жить на свете – правдой али кривдой?

– Нет, слышь, ребята! Правдой мудрено жить, лучше кривдой. Нас обманывают, и мы, слышь, обманываем.

– Ну, слышь, моя правда, – говорит опять криводушный-от правдивому-то.

□Вот пошли они опять по дороге – что скажет третий. Шли-шли, вот и видят: едет поп навстречу. Вот они подошли к нему. Подошли, знашь, к нему и спрашивают:

– Остановись-ка, батька, на часочек, реши ты наш спор: как лучше жить на свете – правдой али кривдой?

– Вот нашли о чём спрашивать. Знамо дело, что кривдой. Какая нонче правда? За правду, слышь, в Сибирь угодишь, скажут – кляузник. Вот хоть к примеру, говорит, сказать вам не солгать: в приходе-то у меня разе десятая доля на духу-то бывает, а знамо дело, мы всех записываем. Зато и нам повольготнее; ин раз ладно и молебен заместо обедни.

– Ну, слышь, – говорит криводушный-от правдивому-то, – вот все говорят, что кривдой лучше жить.

– Нет, слышь! Надо жить по-божью, как бог велит. Что будет, то и будет, а кривдой, слышь, жить не хочу, – говорит правдивый-от криводушному-то.

□Вот пошли опять дорогой вместе. Шли-шли, – криводушный-от всяко сумеет ко всем прилаживаться, везде его кормят, и калачи у него есть, а правдивый-от где водицы изопьёт, где поработает, его за это накормят, а тот, знашь, криводушный-от все смеётся над ним. Вот раз правдивый-от попросил кусочек хлеба у криводушного-то:

– Дай, слышь, мне кусочек хлеба!

– А что за него мне дашь? – говорит криводушный.

– Если что хошь – возьми, что у меня есть, – говорит правдивый-от.

– Дай глаз я тебе выколю!

– Ну, выколи, – он ему говорит. Вот этим делом-то криводушный-от и выколол правдивому-то глаз. Выколол и дал ему маленько хлеба. Тот, слышь, стерпел, взял кусочек хлеба, съел, и пошли опять по дороге.

□Шли-шли, – опять правдивый-от у криводушного-то стал просить хлеба кусочек. Вот, знашь, тот опять разное стал над ним насмехаться.

– Дай, слышь, другой глаз я тебе выколю, ну, дам тогда кусочек.

– Ах, братец, пожалей, я слепой буду, – правдивый-от упрашивал его.

– Нет, слышь, зато ты правдивый, а я живу кривдой, – криводушный-от ему говорил. Что делать? Ну, так тому делу и быть.

– На, выколи и другой, коли греха не боишься, – правдивый-от

говорит криводушному-то. Вот, братец мой, выколол ему и другой-от глаз. Выколол и дал ему маленько хлебца. Дал хлебца и оставил его, слышь, на дороге:

– Вот, стану я тебя водить?

Ну что делать, слепой съел, знашь, кусочек хлебца и пошёл потихоньку ощупью с палочкой.

□Шёл-шёл кое-как и сбился, слышь, с дороги и не знает, куды ему идти. Вот и начал он просить бога:

– Господи! Не оставь меня, грешного раба твоего!

Молился, слышь, молился, вот и услышал он голос; кто-то ему говорит:

– Иди ты направо. Как пойдёшь направо, придёшь к лесу; придёшь к лесу – найди ты ощупью тропинку. Найдёшь, слышь, тропинку, поди ты по той тропинке. Пойдёшь по тропинке, придёшь на гремачий^[2] ключ. Как придёшь ты к гремачему ключу, умойся из него водой, испей той воды и намочи ею глаза. Как намочишь глаза, ты, слышь, прозреешь! Как прозреешь, поди ты вверх по ключу тому и увидишь большой дуб. Увидишь дуб, подойди к нему и залезь на него. Как залезешь на него, дождись ночи. Дождёшься, слышь, ты ночи, слушай, что будут говорить под этим дубом нечистые духи. Они, слышь, тут слетаются на токовище.

□Вот он кое-как добрёл до леса. Добрёл до леса, полазил-полазил по нём, напал кое-как на тропинку. Пошёл по той тропинке, дошёл до гремачего ключа. Дошёл до ключа, знашь, умылся водою. Умылся водою, испил и примочил глаза. Примочил глаза и вдруг увидел опять свет божий – прозрел. Вот как прозрел – и пошёл, слышь, вверх по тому ключу. Шёл-шёл по нём вот и видит большой дуб. Под ним всё утоптано. Вот он влез на тот дуб. Влез и дождался ночи.

Вот, слышь, начали под тот дуб слетаться со всех сторон бесы. Слетались, слетались, вот и начали рассказывать, где кто был.

Вот один бес и говорит:

– Я, слышь, был у такой-то царевны. Вот, десять годов её мучаю. Всяко меня выгоняют из неё, никто меня не сможет выгнать, а выгонит, слышь, тот, кто вот у такого-то богатого купца достанет образ смоленской божьей матери, что у него на воротах в киоте вделан.

□Вот наутро, знашь, как все бесы разлетелись, правдивый-от слез с дуба. Слез с дуба и пошёл искать того купца. Искал, искал, кое-как нашёл его. Нашёл и просится работа́ть на него.

– Хоть год, слышь, проработаю, ничего мне не надо, только дай мне образ божьей матери с ворот.

Купец, знашь, согласился, принял его к себе в работники. Вот работал он у него что ни есть мочи круглый год. Проработавши год, он и просит тот, знашь, образ. Вот купец, слышь:

– Ну, братец, доволен я твоей работой, только жаль мне образа, возьми лучше деньги.

– Нет, слышь, не надо денег, а дай мне его по уговору.

– Нет, слышь, не дам образ. Проработай ещё год, ну, так и быть, тогда отдам тебе его.

Вот этим делом-то, знашь, правдивый-от мужичок работал ещё год. Ни дня, ни ночи не знал, всё работал, такой, слышь, старательный был.

□Вот проработал год, опять, знашь, стал просить образ божьей матери с ворот. Купцу, слышь, опять жаль и его отпустить и образ-от отдать.

– Нет, слышь, лучше я тебя казною награжу, а коли хочешь, то поработай ещё год, ну, так отдам тебе образ.

Вот так тому делу и быть, опять стал работать год. Работал ещё пуще того, знашь, всем на диво, какой был работающий! Вот

проработал и третий год. Проработал и опять, знашь, просит образ. Вот купец, делать нечего, снял образ с ворот и отдал ему.

– На, возьми образ и ступай с богом.

Напоил-накормил его и деньгами, слышь, наградил малую толику.

□Вот этим делом-то, знашь, взял он образ смоленской божьей матери. Взял его и повесил на себя. Повесил на себя и пошёл, слышь, к тому царю царевну лечить, у которой бес-от мучитель сидит. Шёл-шёл и пришёл к тому царю. Пришёл к царю и говорит:

– Я-де вашу царевну излечить, слышь, смогу.

Вот этим делом-то впустили его в хоромы царские. Впустили и показали ему ту скорбящую царевну. Показали царевну, вот он спросил, знашь, воды. Подали воды, вот он перекрестился. Перекрестился и три земных поклона положил – знашь, помолился богу. Помолится, слышь, богу, вот и снял с себя образ божьей матери. Снял его и с молитвою три раза в воду опустил. Опустил, знашь, и надел его на царевну. Надел на царевну и велел ей тою водою умываться. Вот этим делом-то, как она, матушка, надела на себя тот образ и, знашь, умылась тою водою, вдруг из неё недуг-от, вражья-то нечистая сила, клубом вылетел вон. Вылетел вон, и она, слышь, стала здорова по-прежнему.

□Вот этим делом-то невесть как все обрадовались. Обрадовались и не знали, чем наградить этого мужичка. И землю, слышь, давали, и вотчину сулили, и жалованье большое клали.

– Нет, слышь, ничего не надо!

Вот царевна-то и говорит царю:

– Я замуж за него иду.

– Ладно, – царь-от сказал.

□Вот этим делом-то, слышь, и повенчались. Повенчались, и стал

наш мужичок ходить в оде́же царской, жить в царских хоромах, пить-есть всё и на всё заодно с ними. Жил-жил и принаторел^[3] к ним. Вот как принаторел он к ним, и говорит:

– Пустите меня на родину; у меня, слышь, есть мать, старушка бедная.

– Ладно, – царевна, знашь, жена-то его, сказала. – Поедем вместе.

□Вот и поехали они вместе, вдвоём с царевной. Лошади-то, одежда, коляска, сбруя – всё царское. Ехали, ехали и подъезжают они, слышь, к его родине. Подъезжают к родине, вот и попадается навстречу им тот криводушный, что, знашь, спорил-то с ним, что лучше жить кривдой, чем правдой. Идёт, слышь, навстречу; вот правдивый-от царский сын и говорит:

– Здравствуй, братец мой, – называет его, слышь, по имени! Тому, знашь, в диковину, что в коляске такой знатный барин его знает, и не узнал его.

– Помнишь, ты спорил со мною, что лучше жить кривдой, чем правдой, и выколол мне глаза? Это я самый!

□Вот, знашь, он оробел и не знал, что делать.

– Нет, не бойся, я на тебя, слышь, и не сержусь, а желаю и тебе такого ж счастья. Вот поди ты в такой-то лес, – знашь, научает его, как его бог научил. – В том лесе увидишь ты тропинку. Поди по той тропинке, придёшь ты к гремячему ключу. Напейся, слышь, из того ключа воды и умойся. Как умоешься, поди ты вверх по ключу. Увидишь там ты большой дуб, влезь на него и просиди всю ночь на нём. Под ним, слышь, токовище нечистых духов, и ты слушай и услышишь своё счастье.

□Вот, знашь, криводушный-от по его слову, как по-писаному, всё это сделал. Нашёл лес и ту тропинку. Пошёл по тропинке и пришёл, слышь, к гремячему ключу. Напился, знашь, и умылся. Умылся и пошёл вверх по нём. Пошёл вверх и увидел большой дуб,

под ним всё утоптанно. Вот он залез на этот дуб. Залез на дуб, знашь, и дождался ночи. Дождася ночи и слышит, как со всех сторон слетались на токовище нечистые духи. Вот как слетелись – и услыхали по духу его на дубу. Услыхали, знашь, по духу и растерзали его на мелкие части.

Так тем, слышь, это дело и покончилось, что правдивый-от стал царским сыном, а криводушного-то загрызли черти.

[1] – Бесперечь – беспрестанно

[2] – Гремячий – журчащий.

[3] – Т. е. принововилс к их приемам и обычаям (Ред.).

 Загрузка...